

Обыденные страхи Страны Советов*

Рец. на: Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. – М. : Новое лит. обозрение, 2020. – 536 с.

Анна Меньщикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Everyday Fears of the Country of the Soviets

Rev. of: Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 536 p.

Anna Menshchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review analyses *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR*, a book by A. Arkhipova and A. Kirzyuk that was published by the Novoye Literaturnoye Obozrenie publishing house in 2020. The research studies Soviet urban legends from the point of view of their typologisation and the description of the nature of existence and interpretation of the plots presented. The sources of urban folklore are reports of the KGB from the Soviet republics, case investigations, letters from Soviet citizens, and information from the Propaganda Department of the Central Committee of the CPSU. These documents reflect those events that caused the most acute social reaction: this manifested itself in the emergence and spread of folklore plots that caused changes in everyday behaviour. The authors refer to the experience of Western anthropological research and conclude that it is advisable to use a set of scholarly approaches (interpretive, memetic, and operational) that offer their own tools for working with folklore texts: this determines the methodological novelty of the work. Focusing on the definition of the genre of the “urban legend”, Arkhipova and Kirzyuk divide the collected material not only according to wider plots, but also according to the type of actualisation (the authorities’ initiative or

* Citation: Menshchikova, A. (2022). The Everyday Fears of the Country of the Soviets. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 757–765. DOI 10.15826/qr.2022.2.700.

Цитирование: Menshchikova A. The Everyday Fears of the Country of the Soviets // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 757–765. DOI 10.15826/qr.2022.2.700 / Меньщикова А. Обыденные страхи Страны Советов // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 757–765. DOI 10.15826/qr.2022.2.700.

“horizontally” spread in society) and functions (prevention, protection, agitation, propaganda). According to the reviewer, the book offers unique folklore material and universal ways to interpret such material.

Keywords: culture of everyday life, urban legends, plots, fears, USSR, non-fiction

Представлен анализ книги А. Архиповой и А. Кирзюк «Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР», вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение» (2020). Исследование написано в традициях non-fiction и обращено к изучению советских городских легенд: типологизации, описанию характера бытования и интерпретации представленных сюжетов. Источниками городского фольклора стали сводки КГБ из советских республик, материалы следственных дел, письма советских граждан, информация Отдела пропаганды ЦК КПСС, в разные десятилетия отражавшие события советской действительности, вызывавшие наиболее острую социальную реакцию, проявлявшуюся в возникновении и распространении фольклорных сюжетов, становившихся причинами изменения бытового поведения. Авторы исследования, обращаясь к опыту западных антропологических исследований, приходят к выводу о целесообразности применения комплекса научных подходов – интерпретативного, меметического, операционального – каждый из которых предполагает собственный инструментарий для работы с фольклорными текстами, что определяет методологическую новизну работы. Остановившись на определении жанра «городской легенды» как самостоятельной единицы, А. Архипова и А. Кирзюк разделяют собранный материал не только по укрупненным сюжетам, но и по типу их актуализации (инициатива власти или распространение в обществе «по горизонтали») и функциям (предупреждение, защита, агитация, пропаганда). По мнению рецензента, книга предлагает уникальный фольклорный материал, а также универсальные вне-временные способы его интерпретации.

Ключевые слова: культура повседневности, городские легенды, сюжеты, страхи, СССР, non-fiction

Книга антропологов Александры Архиповой и Анны Кирзюк вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2020 г. и была удостоена V публицистической премии «Либмиссия» в номинации «Аналитика». Миссия премии – «качественное улучшение понимания людьми, читающими на русском языке, текущей общественной ситуации в России», а также ее цель – «отметить тех, кто способствует расчистке общественного сознания, разъяснению читателю, слушателю, зрителю, что же происходит в России и в мире» – соответствуют стилю изложения, характеру комментария и содержанию «Опасных советских вещей» в целом [Премия «Либмиссия»]. С одной стороны, книга стала результатом серьезных изысканий в области истории становления жанра легенды и антропологических исследований, преимущественно в Европе и США, и, как следствие, выработки и апро-

бирования научных подходов. С другой – форма изложения в формате литературы non-fiction, отсутствие строго выдержанного стиля академического исследования, а порой и кокетство с читателем выдают ориентацию на широкую аудиторию.

Ставшая попыткой представить и систематизировать обширный материал, объяснить природу городских легенд и их разновидностей, получивших распространение в советский период, книга была представлена читателям менее чем за полтора месяца до официального объявления ВОЗ начала пандемии COVID-19, за два года до начала специальной военной операции РФ на территории Украины – наиболее глобальных процессов, внесших серьезные коррективы в культуру повседневности россиян за последние два года¹. Имея в виду представленный опыт и методологию исследования, отдавая должное изяществу интерпретаций, можно с уверенностью говорить о том, что события последних лет могли бы составить второй том материалов о легендах и страхах, дополняя те события XXI в., о которых вопреки заявленным в названии хронологическим рамкам пишут авторы на пороге 2020 г., указывая тем самым на универсальность предлагаемого методологического инструментария и типологическую повторяемость сюжетов.

Обращения к 2000-м гг. (как и к столетиям, отдаленным от XX в.) при анализе материала советского периода неслучайны: книга действительно предлагает инструментарий для интерпретации городских легенд в ситуации определенных социальных и политических обстоятельств. Так, воспроизводимые с начала пандемии сюжеты (в соответствии с терминологией авторов книги – «городские легенды») о происхождении вируса, вреде вакцин и опасности QR-кодов могли бы пополнить материал и способы его интерпретации в главе «Чужак в советской стране» (в особенности разделы «Жуки и холера: техники скрытого заражения» и «Смерть вместо прививки: коварная услуга врачей-убийц»). Большинство выводов требуют лишь косметической корректировки с поправкой на сегодняшний социально-политический момент: выделяя по крайней мере три типа чужаков (в нисходящей градации по степени представляемой угрозы это иностранцы из капиталистических стран, внутренние враги, чужаки из стран «третьего мира»), авторы исследования пишут о наиболее опасном: «Типы внешней угрозы – инфекционный терроризм, заразное тело, опасная услуга и коварный дар – имеют отчетливое временное распределение. <...> Инфекционные террористы из послевоенных слухов пытались уничтожить нечто такое, от чего зависит физическое выживание и самой страны, и всех ее граждан (например, хороший урожай или наличие медикаментов)» [Архипова, Кирзюк, с. 373]².

¹ Например, презентация книги в Екатеринбурге прошла в Ельцин Центре 30 января 2020 г.

² Далее ссылки на рецензируемое издание будут даваться в круглых скобках с указанием страниц.

Нельзя не отметить и вневременную природу и актуальную практически для любого сообщества роль рассмотренных в книге легенд, заключающуюся в сохранении и воспроизведении по всем законам жанра, в закодированном виде, «достоверной информации», в отличие от данных, предоставляемых линией партии: «Информационное устройство советского общества, где существовали жесткая цензура и идеологический контроль, способствовало тому, что многие советские люди не доверяли советским средствам массовой информации... Такое недоверие приводило к тому, что неформальные интерпретации действительности, созданные слухами и легендами, воспринимались многими советскими людьми как более достоверные, чем те, которые предлагались официальными СМИ» (с. 64). Авторы книги приводят данные опросов, предпринимавших американскими советологами в аудитории советских эмигрантов: в качестве регулярного источника информации 50 % опрошенных назвали именно слухи (там же).

Структура книги включает предисловие (ответ на вопрос «О чем эта книга?» – «Мы будем говорить об опасности тех вещей и явлений, с которыми советский человек регулярно имел дело в своей повседневной жизни – будь то зажимы для пионерских галстуков или автоматы с газированной водой», с. 10), шесть глав, послесловие, краткий справочник сюжетов городских легенд с системой навигации по книге (шесть магистральных сюжетов, предполагающих варианты и уточнения, среди которых легенды о тайных знаках, оставленных врагами, легенды об иностранцах и иностранных вещах, легенды об опасных действиях со стороны представителей властей и спецслужб и др.), краткий указатель терминов (необходимая часть, в особенности потому, что термины, встречающиеся в книге, не ограничены полем фольклористики и антропологии, но относятся к тезаурусу психологов и психиатров, что указывает на междисциплинарный характер возможностей интерпретации, не ограниченной взглядом сугубо гуманитарной науки), примечания, сокращения, список иллюстраций, состоящий из десяти пунктов. Одни иллюстрации послужили материалом для разворачивания сюжета городской легенды (например, рисунки, подготовленные для обложек школьных тетрадей в 1937 г. – к столетию гибели А. С. Пушкина, впоследствии изъятые), другие явили собой визуализацию городской легенды (перечеркнутые фото арестованных партийных деятелей).

В *первой главе* «Что такое городская легенда и зачем ее изучать?» представлено теоретическое обоснование специфики жанра городской легенды, истории его становления, проаннотированы исследовательские стратегии, нацеленные на изучение городских легенд, включая интерпретативный, меметический и операционный подходы. Отдельного внимания требует подраздел, посвященный выборке труднодоступного / частично утраченного, учитывая его специфику, материала, взятого для изучения: «Никаких научных коллекций ни тогда (на протяжении всего советского периода. – А. М.), ни сейчас (до нашей книги)

сделано не было» (с. 63). Источниками городских легенд в книге стали преимущественно сводки КГБ из России, Латвии, Литвы, Украины, материалы следственных дел по статье «Антисоветская агитация и пропаганда», перечни вопросов граждан к лекторам Отдела пропаганды ЦК КПСС, дневники (материалы взяты на сайте проекта «Прожито»), а также письма советских граждан, попавших в поле зрения карательных и партийных органов (с. 65–66). Приведем лишь один из красноречивых фактов, предлагаемых авторами: «в январе 1953 года украинский КГБ рапортует, что за неделю, прошедшую после опубликования в газете “Правда” статьи о “врачах-вредителях”, сотрудники просмотрели более 100 тысяч (!!!) писем, 653 письма, по их мнению, содержали особо вредоносную информацию и слухи» (с. 66).

Выборка материала сближает представленное издание с другими, вышедшими после перестройки, в том числе с книгой о жертвах сталинских репрессий «37-й на Урале» (Средне-Уральское книжное издательство, 1990), в которой сохранены воспоминания и письма, документы об уголовных делах, и с книгой «Два взгляда из-за рубежа: переводы» (Политиздат, 1990), объединившей под одной обложкой запрещенные в советское время «Возвращение в СССР» А. Жида (1936) и «Москва 1937» Л. Фейхтвангера (1937) – «две точки зрения виднейших представителей прогрессивной западной интеллигенции на нашу страну, советское общество и советское руководство второй половины 30-х годов» [37-й на Урале, с. 3], а также со многими другими изданиями мемуаров и дневников знаменитостей и обычных граждан СССР³, материалы которых могут служить основой для изучения культуры повседневности в условиях тоталитарного режима.

В главах «Опасные знаки и советские вещи» и «Как легенда стала идеологическим оружием» на разнообразных примерах, включая иллюстрации происков «невидимого врага» на спичечном коробке (профиль Троцкого) и графическое изображение вождя (изображение свастики), описаны известные в психиатрии процессы («эпидемия гиперсемиотизации 1930-х»), показано, как легенда (слух) инициируется сверху по воле власти. В связи с этим особое внимание авторов отводится разновидности жанра агитлегенды, логика конструирования которого представлена на примере текстов об отравлении опасными угощениями, полученными от иностранцев (и спасении от гибели).

Примечателен комментарий исследователей, разворачивающийся через обращение к знаменитому закону конструирования волшебной сказки по В. Я. Проппу. Остановимся на данном фрагменте подробнее и приведем текст легенды полностью: «Одна девочка попросила (о, позор!) у иностранца жвачку и отравилась. Она лежит сейчас в больнице, ей уже семь литров крови поменяли, ничего не помогает. Другой девочке насильно подсунили конфету за то, что она показала, как пройти в Эрмитаж. А мама дома эту конфету откры-

³ См., например: [Чуковская; Луговская; Вербловская; Человек из оркестра] и мн. др.

ла, разломила, и там – толченное стекло» (с. 192). Прочитанная агитлегенда, распространявшаяся водителями, учителями, «женщинами в милицмейской форме», по сюжету относится к текстам о запрете на общение с иностранцами. Авторы книги соотносят рассказ о судьбе каждой из девочек с фрагментами волшебной сказки о запрете брать отравленное яблоко и последствиях нарушения запрета. Это дает логическое основание представить структуру агитлегенды как последовательность элементов от запрета на контакт с иностранцем до последствий действий врага, которые могут привести к гибели (с. 203). Предлагается следующая интерпретация сюжета: «Мотивировки нарушения демонстрируют два типа преступления советского человека при контакте с западным миром (стремление к его вещам и потеря бдительности)». Поскольку первое преступление гораздо тяжелее, то и последствия в виде переливания семи литров крови изображены как более фатальные, в отличие от простительной «потери бдительности» (с. 204).

Важно заметить, что привлечение для интерпретации концепции В. Проппа возможно, очевидно, только при изучении агитлегенды, в отличие от городских легенд иного типа, поскольку в данном случае речь идет о срежиссированном сюжете, развитие которого должно привести к нужному однозначному финалу. Именно разнородностью сюжетов и, главное, природы легенд, различающихся в том числе источниками появления (история, инициированная властями, или история, появившаяся и развившаяся в обществе), объясняется разница в подходе к интерпретациям, которые подчас вызывают вопросы в силу недостаточной обоснованности или потенциальной возможности существования иного пути интерпретации.

В главах «Свои чужие опасные вещи», «Чужак в советской стране», «Взрослые страхи и детские легенды» на материале историй, актуализирующих различные аксиологические коды (названия разделов: «Крыса в колбасе: как возникает культура недоверия», «Ужасное мыло: геноцид и военные страхи в одном куске», «Фольклор в ожидании катастрофы: страхи, слухи и песни о будущей войне», «О власти и смерти глазами детей» и др.), демонстрируются особенности историй, сюжет которых зарождался без участия власти и распространялся среди сограждан «по горизонтали».

В этом случае комментарий к предлагаемым для рассмотрения текстам дается принципиально иной. Внушительное число схожих сюжетов, связанных со страхом советского человека заразиться неизвестной (или, напротив, вполне известной) болезнью, например, сифилисом или лихорадкой, переносчиками которой были тропические насекомые, во время наплыва туристов на Олимпиаде-80 объясняется через логическую, но достаточно длинную цепочку факторов. Первым звеном интерпретации становится идея ксенофобии, которая трансформируется в легенды об инаковости «чужого», проявляющейся, например, в наличии анатомических странностей (дополнительного ряда

зубов, шестипалости и т. д.). Справедливо предлагая развернутый экскурс в мифологии различных этносов, возвращаясь к экономической ситуации в СССР, связанной с чрезмерной помощью развивающимся странам в ущерб собственному населению, авторы приходят к выводу, что реакция на гостей олимпиады, прибывших, например, из Африки, стала следствием всего комплекса сюжетов, уходящих корнями далеко в славянскую мифологию, а «негр», ранним утром умывающийся возле автомата с газировкой, непременно имел цель заразить советских граждан, которым не рекомендовалось пить газированную воду из автоматов. Вместе с тем в исследовании не оговариваются более приземленные причины отказа от напитка – вполне предсказуемые брезгливость и осторожность, что представляется вполне логичным. Таким образом, не отказывая авторам в глубине интерпретации, можно говорить о некоторой непроговоренности всех факторов, повлиявших на поведение советских граждан при контакте с иностранцами.

В центр понятийного поля исследования авторы помещают термин «городская легенда», обращаясь к его генезису, жанрово-стилевым особенностям и характерным признакам, отличающим его, с одной стороны, от слухов, с другой – от традиционных легенд: «Современная городская легенда описывает угрозы, исходящие от людей, и ее главными функциями становятся (возможно, наряду с развлекательной) информирование и предупреждение окружающих о возможных опасностях» (с. 20). Среди наиболее устойчивых признаков городской легенды выделяется установка на достоверность, отказ от обращения к сверхъестественной тематике, способность «реагировать на актуальные социальные проблемы и в некоторых случаях – вызывать их» (с. 23). Вместе с тем четко артикулированное отличие городской легенды от слуха («Слух – это утверждение, не имеющее развернутой повествовательной структуры. Городская легенда длиннее, имеет сюжет и четкую повествовательную структуру...», с. 22) и понимание различий с традиционной легендой (в которой, как правило, действуют иррациональные силы, а события происходят в далеком прошлом), обнаруживают лакуны в понятийном поле работы. Авторы исследования обходятся без обращения к понятиям «миф»/«мифологема» и «фейк», никак не определяя характер соотношения с ними городской легенды.

Безусловно, выводы, сделанные о закодированных в городских легендах страхах, желаниях и в целом о модели мира советского человека, критически не изменятся при включении в терминологическое поле исследования обозначенных понятий, однако в этом случае, по нашему мнению, разделение условной «реальной правды» и «вымысла» – двух полюсов, столь важных при рассмотрении легендированной реальности, оказалось бы более прозрачным. Подчас сами авторы в качестве примеров городских легенд (то есть не имевших, по их мнению, фактических подтверждений) приводят разнородные спорные непровергнутые или недоказанные в своей фейковой природе события. В этих случаях в одном ряду оказываются сюжеты

«потребительских легенд», например, истории об отравленной / непригодной для употребления еде на грани провокации – о крысиных хвостиках в карри и об «опасных и чудесных свойствах кока-колы», о ВИЧ-террористах и оставленных в общественных местах инфицированных иглоках, об историях, обращенных к терактам и катастрофам на рубеже XX–XXI столетий и сообществах в социальных сетях, подталкивающих пользователей к суициду. Некоторые из перечисленных тем в разное время вызвали серьезный резонанс в СМИ (что само по себе, безусловно, не исключает, а в некоторых случаях напрямую подтверждает статус городской легенды, в классификации авторов инициированных властью, о чем говорилось выше), поэтому в случае однозначно выносимого вердикта (свершившийся факт / легенда) комментарий авторов не стал бы излишним.

Не являясь изданием строго научным, книга «Опасные советские вещи» вызвала живой и преимущественно положительный отклик среди пользователей сайтов «Лабиринт» и «ЛитРес» – целевой аудитории (непрофессиональных читателей, скорее не относящихся к числу ученых-гуманитариев), если иметь в виду ее предисловие: «Мы старались писать книгу так, чтобы исследования антропологов и фольклористов были понятны всем, а не только узким специалистам» (с. 11). Показательно, что в некоторых отзывах встречаются реплики читателей, не согласных с включением в ряд легенд свершившихся «на самом деле» фактов, – ситуация, любопытная сама по себе: возможно, автор комментария оказывается внутри легенды, а следовательно, тот или иной описываемый сюжет в настоящее время остается активным, либо авторы слишком категорично отнесли те или иные реалии к легендам.

Сама специфика материала, порой не предполагающего необходимость или возможность установления свершившегося факта с исследовательской и методологической точек зрения, допускает использование понятия «миф», избавляющего и исследователей, и читателей от необходимости выбирать сторону свершившегося или не бывшего «на самом деле». Некоторая расплывчатость или полное отсутствие уточнений, связанных с понятийными границами, компенсированы материалом, который оказывается наибольшей и неоспоримой ценностью, умноженной на типологизацию и исследовательский комментарий. Представленный в книге подход предполагает продолжение осмысления современного материала, поскольку предлагает вневременной инструментарий. Появление тех или иных сюжетов, устанавливающих истинность/ложность источников информации, представлений о «своем» и «чужом» (критерии отбора и разделения изменчивы, но принципы осмысления в семиотическом поле городского фольклора, как правило, сохраняются), провозглашающих актуализацию прежних городских легенд, становится маркером принципиальных ценностных доминант, по которым представляется возможным делать выводы о страхах и «опасных» вещах современного нам общества.

Список литературы

37-й на Урале / ред.-сост. Л. Г. Адамова ; науч. ред. Н. Н. Попов. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1990. 320 с.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи : Городские легенды и страхи в СССР. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 536 с.

Вербловская И. Мой прекрасный страшный век. СПб. : Журн. «Звезда», 2011. 374 с.

Луговская Н. Хочу жить! Дневник советской школьницы. М. : РИПОЛ классик, 2010. 400 с.

Премия «Либмиссия» : [сайт]. URL: www.premialibmissiya.ru (дата обращения: 23.03.2022).

Человек из оркестра : Блокадный дневник Льва Маргулиса. СПб. : Лениздат : Команда А, 2013. 320 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. М. : Время, 2007.

References

Adamova, L. G., Popov, N. N. (Eds.). (1990). *37-i na Urale* [1937 in the Urals]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 320 p.

Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 536 p.

Chelovek iz orkestra. Blokadniy dnevnik L'va Morgulisa [A Man from the Orchestra. The Blockade Diary of Lev Margulis]. (2013). St Petersburg, Lenizdat, Komanda A. 320 p.

Chukovskaya, L. (2007). *Zapiski ob Anne Akhmatovoi v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova. 3 Vols.]. Moscow, Vremya.

Lugovskaya, N. (2010). *Khochu zhit'! Dnevnik sovetskoi shkol'nitsy* [I Want to Live! The Diary of a Soviet Schoolgirl]. Moscow, RIPOL klassik. 400 p.

Premiya "Libmissiya" [Libmission Award] [website]. URL: www.premialibmissiya.ru (accessed: 23.03.2022).

Verblovskaia, I. (2011). *Moi prekrasnyi strashnyi vek* [My Wonderful Scary Century]. St Petersburg, Zhurnal "Zvezda". 374 p.

The article was submitted on 24.03.2022